

изгнанъ не только изъ города, но и изъ Палестины и предѣловъ ея; и мы скорбимъ очень, что съ Лентуломъ осталось много сообщниковъ заговора, которые проживаютъ въ Юннии. Намъ же кажется лучшимъ перемѣнить мѣсто, чѣмъ истину вѣры, и потерять пріятное зданіе и мѣстопребываніе, чѣмъ скверниться сообществомъ тѣхъ, въ присутствіи которыхъ слѣдовало бы или уступить, или уже каждый день сражаться языкомъ, а мечемъ. А сколько мы вытерпѣли, и какъ грозно за насъ вооружилась противъ врага высокая рука Христова, — думаю, что ты узналъ по молвѣ. Итакъ прошу тебя, кончай мужественно начатое дѣло; не допусти, чтобы въ твоёмъ присутствіи церковь не имѣла защитника. Всякому хорошо извѣстно (чѣмъ владѣешь и ты по мѣрѣ силъ), что должно бороться не силами тѣлесными, а любовью, которая никогда не можетъ быть побѣждена. Святые братья, живущіе съ нашимъ емиреніемъ, свидѣлствуютъ тебѣ глубочайшее почтеніе. Думаю, что твоей чести расскажетъ вѣрно все и святой братъ діаконъ Аленцій. Христосъ, всемогущій Господь нашъ, да сохранитъ твое здоровье и память обо мнѣ, господинъ истинно-святой и братъ достойный всякаго уваженія.

110. Письмо къ Апронію.

Не знаю, по какому діавольскому наважденію случилось, что и твой трудъ, и старанія святаго пресвитера Пинокентія, и наше желаніе въ настоящемъ случаѣ, очевидно, ни къ чему не послужили. Но, благодареніе Богу, узналъ я, что среди самыхъ искушеній діавольскихъ ты остался невредимъ и сохранилъ пламень вѣры. Это моя радость, когда я слышу, что дѣти мои сражаются о Христѣ; и Тотъ, коему мы вѣруемъ, укрѣпляетъ насъ самихъ въ такой ревности, что мы охотно прольемъ кровь за Его вѣру. Скорблю, что благородная фамилія разорена до основанія, и однако, какая была

Гвор. бл. Иеронима.

тому причина, узнать не могъ. Ибо и самъ податель писемъ отозвался, что не знаетъ этого. Поэтому мы можемъ скорбѣть за общихъ друзей и молить милосердіе Христа, который одинъ всемогущій и Господь,—хотя и навлекли на себя отчасти немилость Божию, покровительствуя врагамъ Господа. Ты сдѣлаешь прекрасно, если, бросивъ все, отправишься на востокъ, особенно — въ святые мѣста. Здѣсь все покойно; и хотя не выбросили яда изъ сердца, — устъ нечестивыхъ открывать не смѣютъ, но какъ аспиды глухи и затыкаютъ уши свои (Пс. 27, 5). Привѣтствуй святыхъ братьевъ. Наше же семейство, по отношенію къ плотскимъ благамъ совершенно разоренное преслѣдованіями еретиковъ, по милости Христовой полно богатствъ духовныхъ. Лучше жевать сухой хлѣбъ, чѣмъ потерять вѣру.

111. Письмо къ пресвитеру Кипріану.

Прежде я зналъ только по письмамъ, что ты, ревностнѣйшій изъ пресвитеровъ Кипріанъ, принадлежишь къ числу тѣхъ, о которыхъ сказано Моисею: избери пресвитеровъ, *ихже ты самъ вѣси, яко тѣмъ суть* пресвитеры (Числ. 11, 16), и наслѣдовалъ имя блаженнаго мужа, который поучается въ законѣ Божиѣмъ день и ночь (Пс. 1). Теперь же мы узнали другъ друга и по внѣшнему челоу; и послѣ привѣтствій и сладкихъ объятій, которыми скрѣпляется взаимная дружба, ты тотчасъ, чтобы увѣриться въ истинѣ того о чемъ слышалъ, просишь меня объяснить одинъ изъ труднѣйшихъ псалмовъ, который у грековъ и латинянъ надписывается восемьдесятъ девятымъ,—объяснить не тѣмъ краснорѣчивымъ и вызывающимъ рукоплесканья толпы языкомъ, который оболъщаетъ и ласкаетъ слухъ невѣждъ, но рѣчью простою и точнымъ церковнымъ языкомъ,—такъ то-есть, чтобы толкованіе наше не нуждалось въ другомъ толкователѣ: потому что со многими слишкомъ краснорѣчивыми случается обыкновенно, что ихъ

объясненія понимать гораздо труднѣе, чѣмъ то самое, что они стараются объяснить. Итакъ начну дѣло весьма трудное, и поддержанный святыми молитвами твоими, припомню извѣстный стихъ: *Господь дастъ благоуспѣвающимъ силою мною* (Пс. 67, 12).

И во первыхъ, должно знать, что псаломъ этотъ въ еврейскомъ имѣетъ такое надписаніе: *молитва Моисея мужа Божія*, а у седмидесяти: *молитва Моисея человека Божія*. Какое различіе между выраженіями человѣкъ и мужъ, учить насъ священное писаніе. Пятидесятникъ говоритъ Иліи: *человѣче Божій, царь зоветъ тя*. Этотъ отвѣчаетъ ему: *еще есмь человекъ Божій азъ, то да снидетъ огнь съ небесе, и снѣстъ тя и пятьдесятъ (мужей) твоихъ* (4 Цар. 1, 9. 10). И къ Тимоѳею апостоль пишетъ: *ты же, о человѣче Божій, сихъ бѣдай* (Тим. 6, 11). Затѣмъ, о мужѣ Божіемъ тотъ же апостоль учить: *хощу же васъ въдѣти, яко всякому мужу глава Христосъ есть, глава же жень мужъ; глава же Христу Богъ* (1 Кор. 3). Мужъ тотъ, кто не долженъ покрывать главы; потому что есть образъ и глава Божія и ежедневно говорить въ молитвѣ: *мы же вси откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе, въ той же образъ преобразуемся отъ славы въ славу, отъ Господня Духа* (2 Кор. 3, 18). И въ другомъ мѣстѣ: *дондеже достигнемъ вси.... въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. 4, 13). Итакъ, какъ названіе мужа, такъ и названіе человѣка прилично мужу святому, и такому, который видѣлъ Бога лицемъ къ лицу и жива была душа его; изъ устъ котораго мы узнали о твореніи міра, о твореніи того, что видимо, о состояніи человѣка,—узнали истину всей прошлой исторіи; который оставилъ намъ не только пять книгъ, Бытіе, Исходъ, Левитъ, Числа и Второзаконіе, но и одиннадцать псалмовъ, отъ восьмидесяти девятаго, начинающагося словами: *Господи,*

прибъжище былъ еси намъ, до девяносто девятого, который надписывается: *псаломъ во исповѣданіи*. Что же касается надписанія: *псаломъ Давида*, которое въ очень многихъ кодексахъ имѣетъ псаломъ девяносто восьмой, то его нѣтъ въ еврейскомъ. Въ священномъ писаніи такъ дѣлается обыкновенно, что всѣ псалмы, которые не надписаны чьи они, почитаются принадлежащими тѣмъ, чьи имена содержатся въ псалмахъ предыдущихъ.

Есть четыре псалма, надписывающіеся—*молитва* (*oratio*): шестнадцатый, который надписывается: *молитва Давида*, и начинается: *Услыши, Господи, правду мою*, восемьдесятъ пятый: *приклони, Господи*; восемьдесятъ девятый, который теперь у насъ подъ руками: *Господи, прибъжище былъ еси намъ*; и сто первый, который имѣетъ надписаніе: *молитва нищаго, егда уныетъ и предъ Господомъ пролетъ моленіе свое*. Давидъ и нищій, бывшій богатымъ, но ради насъ обнищавшій, это—относится ко Христу, который, по словамъ Захаріи (гл. 9, ст. 9), возсѣлъ на жребя ослицы, бѣднякъ и кроткій. Моисей же, чрезъ котораго Господь далъ законъ, изъ устъ котораго мы слышали слова Божіи: *сотворимъ человека по образу нашему и по подобію* (Быт. 1, 26), и тотчасъ же упоминается: *и сотвори Богъ человека по образу своему, по образу Божію сотвори его, мужа и жену сотвори ихъ* (ст. 27),—Моисей подробно раскрываетъ состояніе человѣка отъ происхожденія его до смерти и воскресенія,—какимъ онъ сотворенъ, сколько времени живетъ, что дѣлаетъ въ мірѣ, какими пользуется наслажденіями въ жизни, изъ-за чего трудится, къ чему стремится. И такъ какъ писавшій это самъ человѣкъ же, то онъ изображаетъ состояніе всего рода человѣческаго подъ видомъ самого себя. Есть впрочемъ толкователи, которые этотъ псаломъ или молитву относятъ къ народу израильскому.—къ тому (обстоятельству), какъ онъ

оскорбилъ Бога въ пустынь и вымеръ и не удостоился войти въ землю обѣтованную; а вмѣсто отцевъ вошли дѣти, и надѣются снова умилоствовать Бога: что исполняется въ пришествіе Христово.

Oratio (молитва), по словамъ грамматиковъ, означаетъ всякую рѣчь говорящихъ; этимологию этого слова они объясняютъ такъ: *oratio est oris ratio*. Но въ священномъ писаніи трудно встрѣтить слово *oratio* съ такимъ смысломъ; оно примѣняется здѣсь къ молитвамъ и прошеніямъ. Евреи говорятъ, что въ одной книгѣ псалмовъ содержится пять книгъ: отъ перваго псалма до сороковаго; отъ сорокъ перваго до семьдесятъ перваго; отъ семьдесятъ втораго до восемьдесятъ восьмаго; отъ восемьдесятъ девятаго, которымъ начинается четвертая книга и который мы теперь разбираемъ, до сто пятаго (въ концѣ всѣхъ ихъ поставлено двойное *аминь*, которое семьдесятъ толковниковъ переводятъ *буди, буди*); и затѣмъ отъ сто шестаго до конца. Это по примѣру двѣнадцати пророковъ, которые, хотя и издали каждый особенную книгу, входятъ въ составъ одной книги. Нашему мнѣнію повидимому противорѣчить только что сказанное нами, когда мы къ одиннадцати Моисеевымъ псалмамъ причислили и девяносто восьмой, въ которомъ говорится: *вознесите Господа Бога нашего и поклоняйтесь подножію ногу его, яко свято есть. Моисей и Ааронъ во іереехъ его, и Самуилъ въ призывающихъ имя его* (Ис. 98, 5. 6): какимъ образомъ можетъ принадлежать Моисею псаломъ, называющій Самуила, о которомъ извѣстно, что онъ жилъ спустя долгое время? Но рѣшеніе этого вопроса не представляетъ трудности: имя Самуила названо пророчески; потому что заслуги его такъ велики, что у Іереміи онъ сопоставляется съ Моисеемъ: *аще станутъ Моисей и Самуилъ* (Іер. 15, 1). Это точно также, какъ челоуѣкъ Божій говоритъ въ Самаріи: *олтарю, олтарю, сие*

глаголетъ *Господь*: се сынъ рождается дому *Давидову*, *Іосія* имя ему (3 Цар. 13, 2). Знаемъ также, что погрѣшаютъ тѣ, которые всѣ псалмы считаютъ *Давидовыми*, а не тѣхъ, чьими именами они надписаны. Почему и этотъ псаломъ считаютъ написаннымъ *Давидомъ* отъ лица *Моисея*, т. е. какъ бы законодатель священными устами изображалъ заблужденія и бѣдствія человѣческаго рода, а затѣмъ и чаяніе имъ спасенія.

Господи, обиталище былъ еси намъ въ родъ и родъ. Семьдесятъ: *Господи, прибѣжище былъ еси намъ въ родъ и родъ.* Въмѣсто обиталище и прибѣжище въ еврейскомъ стоитъ *та о н*, слово, которое болѣе значить обиталище, чѣмъ прибѣжище. Предполагая вести рассказъ о печальномъ и оплакивать человѣческій родъ, составитель псалма начинаетъ похвалами Богу, чтобы все, что послѣ случится несчастнаго съ человѣкомъ, казалось случившимся не по жестокости Творца, но по винѣ сотвореннаго. Кого застаетъ ненастье, тотъ ищетъ убѣжища подъ скалою или подъ кровлею. Кого преслѣдуетъ врагъ, тотъ прячется за городскія стѣны. Утомленный путникъ отъ солнца и пыли ищетъ отдыха въ тѣни. Если свирѣпѣйшій звѣрь жаждетъ крови человѣка, послѣдній старается и употребляетъ всевозможныя усилія избѣжать предстоящей опасности. Такъ и человѣкъ съ первыхъ дней существованія своего пользуется помощію Божіею; и какъ твореніемъ своимъ обязанъ его благодати, и существуетъ и живетъ благодаря его милосердію, такъ и ничего добраго не можетъ дѣлать безъ того, кто далъ ему свободный произволъ въ такомъ видѣ, чтобы послѣдній не отрицалъ его благодати для каждаго дѣйствія въ частности. Это для того, чтобы свобода произвола не перешла въ оскорбленіе Создателя, и не надмила гордостію того, кто для того и созданъ свободнымъ, чтобы безъ Бога сознавалъ себя ничѣмъ. Выраженіемъ же:

въ родъ и родъ обозначаются всѣ времена, и до закона, и подъ закономъ, и подъ евангельскою благодатію. Почему и апостоль говоритъ: *благодатію есте спасени чрезъ вѣру; и сіе не отъ васъ*, но по Божию дару (Ефес. 2, 8). И во всѣхъ его посланіяхъ, въ началѣ привѣтствія, не прежде стоитъ миръ, а потомъ—благодать, но прежде благодать, а затѣмъ уже миръ; это потому, что по отпущеніи уже намъ грѣховъ нашихъ наслѣдуемъ мы миръ Господень.

Прежде чѣмъ горы родились и произошла земля и вселенная, отъ вѣка и до вѣка ты еси Богъ. Семьдесятъ: *прежде чѣмъ горы утвердились и образовалась земля и вселенная, отъ вѣка и до вѣка ты еси Богъ.* Нѣкоторые извращаютъ смыслъ этого мѣста злонамѣренною разстановкою словъ; особенно дѣлаютъ это тѣ, которые утверждаютъ, что души существовали прежде, чѣмъ созданъ былъ, въ шестой по числу день, человѣкъ. Они такъ читаютъ и раздѣляютъ это мѣсто: *Господи, приближище былъ еси намъ въ родъ и родъ, прежде чѣмъ горы утвердились и образовалась земля и вселенная*; такъ т. е., что выраженіе: *отъ вѣка и до вѣка ты еси Богъ*, слѣдуетъ послѣ. Толкуютъ они такъ. Если Господь былъ приближищемъ для людей прежде, чѣмъ утвердились горы и образовалась земля и вселенная: то слѣдовательно души существовали на небесахъ прежде, чѣмъ образовались тѣла человѣческія. Но мы, какъ упомянули уже, должны читать съ такою разстановкою: *прежде чѣмъ горы утвердились и образовалась земля и вселенная, отъ вѣка и до вѣка ты еси Богъ*; не такъ, чтобы Богъ былъ приближищемъ нашимъ до сотворенія міра: потому что мы еще не существовали, но такъ, что Богъ отъ вѣчности и до вѣчности всегда Богъ. Ибо тамъ, гдѣ латинскій переводчикъ поставилъ: *отъ вѣка и до вѣка*, и гдѣ по еврейски говорится *olam*, мы переведемъ точнѣе: *отъ вѣчности и до вѣчности*.

Такъ точно и въ притчахъ отъ лица премудрости, которая есть Христосъ, говорится: *Господь созда мя начало путей своихъ въ дѣла своя, прежде вѣкъ основа мя въ началъ, прежде неже землю сотворити и бездны, прежде неже произыти источникомъ водъ, прежде неже горамъ водрузитися, прежде же всѣхъ холмовъ роди мя* (Притч. 8, 22—25). А между тѣмъ нѣтъ слова, которое наводило бы на мысль о твореніи; потому что въ еврейскомъ нѣтъ творенія, которое называется *bara*, но *стяжаніе*. Ибо такъ пишется: *Adonai sanani bresith dercho*, что на нашемъ языкѣ выражается: *Господь стяжа мя въ начало путей своихъ*. Между стяжаніемъ же и твореніемъ большое различіе. Словомъ стяжаніе выражается, что Сынъ всегда былъ во Отцѣ и Отецъ въ Сынѣ. Твореніе же означаетъ начало существованія того, кого прежде не было. По законамъ иносказательной рѣчи, выраженіе: *прежде чѣмъ горы утвердились и образовалась земля и вселенная*, можетъ означать, что прежде чѣмъ въ душѣ нашей утвердились возвышенные догматы, и прежде чѣмъ образовалась или укрѣпилась отъ Бога земля тѣла нашего и утвердилась или укрѣпится вселенная, которая по еврейски называется *thebel*, по гречески называется выразительнѣе *διχομεν*, что мы можемъ перевести *обитаемая*,—прежде всего этого Богъ былъ всегда намъ прибѣжищемъ. Душа же обитаема, а не въ заустѣніи, тогда, когда удостоивается имѣть гостемъ Бога, по слову Спасителя: *Азъ и Отецъ приидемъ и обитель у насъ сотворимъ* (Іоан. 14, 23). А выраженіе находящееся въ еврейскомъ и у всѣхъ другихъ переводчиковъ: *прежде чѣмъ горы родились, и произошла* ¹⁾ *земля*, очевидно побуждаетъ насъ видѣть смыслъ иносказательный. Ибо горы и земля не рождены и притомъ—съ муками родовыми, но соз-

¹⁾ Буквально — родилась съ муками родовыми, *parturiretur*.

даны. Этимъ съ очевидностію указывается, что какъ святые, такъ и возвышенныя добродѣтели всегда рождаются по милосердію Божию.

Обрати человека къ сердечному сокрушенію, и скажи, возвратитесь сынове Адама. Семьдесятъ: не отврати человека во смиреніе, и рекъ еси: обратитесь сынове человечестіи. То, что говорится въ еврейскомъ, значитъ слѣдующее: «о Боже, ты, который создалъ человѣка и служишь ему изначала прибѣжищемъ и обиталищемъ, обрати его къ сердечному сокрушенію; ты создалъ и образовалъ его, чтобы сталъ онъ добычею смерти, и, твой сосудъ, сокрушился въ послѣдніе дни своей жизни; ему, которому угрожаетъ судьба, что родившійся онъ умретъ, и какъ бы долго ни жилъ, въ концѣ концовъ уничтожится, говори ему ежедневно чрезъ пророковъ: *обратитесь сынове Адама*, оскорбившіе своимъ преступленіемъ Бога и сдѣлавшіеся изъ безсмертныхъ смертными. Ибо вы не захотѣли слушать повелѣнія того, который предписывалъ: *отъ всякаго древа, еже въ раи, съядію съеси: отъ древа же еже разумѣти доброе и лукавое, не съесте отъ него. А въ онъже аще день съесте отъ него, смертію умрете* (Быт. 2, 16. 17)*. За тѣмъ, переводъ семидесяти: *не отврати человека во смиреніе, и рекъ еси: обратитесь сынове человечестіи*, имѣеть смыслъ такой: «молю тебя о человѣкѣ, котораго ты создалъ по образу своему и по подобію и удостоилъ его такой чести, что вмѣсто раба называлъ сыномъ,—молю не уничижи его навсегда во грѣхѣхъ, да не имѣеть надъ нимъ силы древній приговоръ: *земля еси и въ землю отидеши* (Быт. 3, 19). Ибо ты обѣщаль намъ покаяніе, говоря: *не хочу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Іезек. 33, 11). Ты сказалъ устами всѣхъ святыхъ своихъ: обратитесь, или возвратитесь сыны человеческіе къ милосердію Отца; онъ идетъ на встрѣчу приходя-

щимъ къ нему, кладеть печать на нихъ, которую они потс-
рали по своей винѣ, и облакаетъ въ древнюю одежду не-
тлѣнія».

*Ибо тысяча лѣтъ предъ очами твоими, какъ день вче-
рашній, который шелъ мимо, или прошелъ, и какъ стража
ночная, или какъ стража въ ночи.* «Тебя, который всегда при-
зываешь насъ чрезъ пророковъ къ покаянію, говоря: *возврати-
теся сынове человѣчестіи*, тебя просимъ (какъ я уже сказалъ
прежде), не дай человѣку пребывать во всегдашнемъ уничи-
женіи. Когда обѣщаешь ты дать намъ спасеніе спустя мно-
гое время, мы не думаемъ, чтобы это былъ срокъ отдален-
ный. Ибо, сравнительно съ вѣчностію, коротко все продол-
женіе временъ. Предъ взоромъ твоимъ тысяча лѣтъ будто
день одинъ». И тотчасъ останавливаетъ самъ себя. «Я дурно
сказалъ: день одинъ, и сопоставилъ долготу тысячи лѣтъ
предъ тобою съ продолженіемъ одного дня; я скорѣ долженъ
бы сказать, что продолженіе одной стражи равняется про-
странству тысячи лѣтъ. Ночь раздѣляется на четыре стражи,
изъ коихъ въ каждой считается по три часа. Такъ и Господь
пришелъ къ плавающимъ апостоламъ въ четвертую стражу
(Мат. 14; Марк. 6). Итакъ, какъ быстро проходитъ одна
ночная стража, особенно для утомленныхъ трудомъ страж-
никовъ, такъ и продолженіе тысячи лѣтъ представляется крат-
чайшимъ временемъ для тебя, который всегда есть, и бу-
дешь, и былъ». А когда прибавляетъ: *какъ день вчерашній,
который мимо шелъ*, думаемъ, дѣлаетъ также, какъ апо-
столъ, когда писалъ къ евреямъ: *Иисусъ Христосъ вчера и
днесь, той же и во вѣки* (Евр. 14, 8). Итакъ, на основаніи
этого мѣста и посланія, которое надписывается именемъ апо-
стола Петра ¹⁾, я полагаю, что однимъ днемъ называется

¹⁾ Разумѣется второе посланіе апостола Петра, которое въ первые вѣка
не всѣми церквами признавалось за каноническое. Самъ Іеронимъ говорить о

тысяча обыкновенныхъ лѣтъ; и потому, какъ міръ созданъ въ шесть дней, такъ вѣроятно и существовать будетъ только шесть тысячъ лѣтъ, а затѣмъ наступитъ число седмичное, когда настанетъ истинное субботаствованіе и возстановится чистота обрѣзанія. Почему и въ блаженствахъ общася восемь наградъ за добрыя дѣла. Апостолъ же Петръ пишетъ такимъ образомъ: *едино же сіе да не утаится отъ васъ, возлюбленніи, яко единъ день предъ Господемъ яко тысяща лѣтъ, и тысяща лѣтъ яко день единъ. Не коснитъ Господь обѣтованія, якоже нынѣ коснѣніе мнѣтъ* (2 Петр. 3, 8. 9).

Когда поражаетъ ты ихъ, будутъ сномъ, какъ бы траву утромъ проходящую. Утромъ разцвѣла и отошла, къ вечеру истерлась и засохла. Семдесятъ: какъ ничто ихъ лѣта будутъ: утро яко трава мимоидетъ, утро процвѣтетъ и прейдетъ, на вечеръ отпадетъ, ожестѣетъ и изсхнетъ. По еврейски смыслъ такой: много содѣйствуетъ нашему обращенію и спасенію то, что вся жизнь смертныхъ, будто сонъ, такъ сокращена скоро наступающею смертію: какъ цвѣты и сѣно, она въ тотъ же почти срокъ времени засыхаетъ и пропадаетъ. *Когда поразаси ты, говоритъ, ихъ, т. е. людей, исполняется пзвѣстное изреченіе: безумне, въ сію ночь душу твою истяжутъ отъ тебе, а яже уготовалъ еси кому будутъ* (Лук. 12, 20)?.. Вся жизнь человѣка похожа на сонъ. Какъ трава, которая утромъ зеленѣетъ и распускаетъ цвѣты свои, составляетъ удовольствіе глазамъ любующихся ею, а скоро затѣмъ увядая, теряетъ красоту и обращается въ

немъ въ каталогъ «второе посланіе мноіе отвергаютъ за несходствъ съ первымъ въ слоги». На основаніи нѣже приведеннаго мѣста изъ этого посланія пѣ-которые изъ древнихъ заключали, что настоящій міръ будетъ продолжаться только шесть тысячъ лѣтъ. См. наприм Иринея кн. 5. гл. 28; Оригена противъ Цельсія кн. 2, Лактанція кн. 7. гл. 14, и Августина о градѣ Ломлемъ кн. 20. гл. 7.

✱

сѣно, чтобы быть истертою въ этомъ видѣ: такъ всякая красота человѣческая распускается въ дѣтяхъ, цвѣтетъ въ юношахъ, находится въ силѣ въ мужахъ зрѣлаго возраста, и вдругъ, незамѣтно, сѣдѣетъ голова, покрывается морщинами лицо, кожа, прежде тягучая, сжимается, а напоследокъ, что здѣсь называется въ вечеру, т. е. въ старости, едва уже въ состояніи двигаться; такъ что прежде бывшаго человѣка не узнаешь, а онъ почти перемѣняется въ другаго. Но зачѣмъ говоримъ мы о лѣтахъ отъ дѣтства до глубокой и дряхлой старости?—Наводитъ тоску и теряется аппетитъ, когда представишь, что лицо, которое прежде было прекраснѣе женскаго, дѣлается такимъ безобразнымъ, что любовь смѣняется ненавистью. Объ этой судьбѣ смертныхъ говорить и Исаія: *всяка плоть сѣно, и всяка слава человѣча яко цвѣтъ травный. Изше трава, и цвѣтъ отпаде* (Исаіи 40, 6. 7). Подобнымъ же образомъ должно объяснять это мѣсто и слѣдуя семидесяти. Все, что кажется въ мірѣ долгимъ, предъ тобою, Боже, кратко. Ибо дни и годы, которыми ограничена жизнь человѣческая, если сравнить ихъ съ вѣчностію, окажутся ничтожными. Какъ трава, что утромъ выросла, отцвѣла и стала сохнуть, а къ вечеру сдѣлалась жесткою и пропала: такъ и всякая красота человѣческая.

Ибо при ярости твоей мы погибли, и при гнѣвѣ твоемъ мы приведены въ смятеніе. Семдесятъ: ибо мы пришли въ изнеможеніе при гнѣвѣ твоемъ, и при ярости твоей смутились. Въмѣсто сказаннаго нами, *смутились*, Симмахъ и Аквила перевели—*постыжили*. Этимъ обозначается скоротечность человѣческой жизни. А вноска: *при гнѣвѣ твоемъ и при ярости твоей*, указываетъ непреложность приговора Божія, коему всѣ мы люди подлежимъ, т. е. извѣстнаго —*земля еси и въ землю отъидеши*. Прекрасно сказано (не у семидесяти, гдѣ стоитъ—*смутились*, но по еврейскому подлиннику) *постыжили*;

ибо хотя вѣкъ людскій и кажется долгимъ, по въ сравненіи съ вѣчностію коротокъ. Это свидѣтельствуешь и знаменитый поэтъ, когда говорить:

Но бѣжитъ между тѣмъ, бѣжитъ невозвратное время.

(Вирг. Георг. кн. 3).

И еще:

Домо мы жили, Фебъ (если есть что нибудь для смертныхъ Домое).

(Энеид. 10).

Положилъ еси беззаконія наша предъ тобою, *нерадѣніе наше въ свѣтъ лица твоего*. Семдесятъ: *положилъ еси беззаконія наша предъ тобою, вѣкъ нашъ въ просвѣщеніе лица твоего*. Тамъ, гдѣ мы, слѣдуя еврейскому и Симмаху, поставили *нерадѣніе наше*, а семдесятъ вмѣсто этого перевели *вѣкъ нашъ*, въ еврейскомъ стоитъ *alomeni*; пятое изданіе переводить это словомъ—*юность*; Аквила—*παρρησιας*, а мы на нашъ языкъ можемъ перевести—*заблужденія* или *невѣдѣніе*. Почему въ другомъ мѣстѣ сказано: *грѣхи юности моея и невѣдѣніе мое не помяни* (Пс. 24, 7). И еще: *грѣхотпаденія кто разумѣетъ?* И *отъ тайныхъ моихъ очисти мя, и отъ чуждыхъ пощади раба твоего* (Пс. 18, 13. 14). Тѣ грѣхи для насъ чужіе, которые часто дѣлаемъ мы хотя и по доброй волѣ, но по невѣжеству и заблужденію; и однакоже, при ненамѣренности преступленія, въ виду вмѣняется самое заблужденіе. Но удивляюсь, по какимъ побужденіямъ Семдесятъ вмѣсто *юность*, *нерадѣніе*, и *заблужденіе* или *невѣденіе*, говорятъ *вѣкъ*; развѣ не потому ли, что вѣкъ и время этой жизни проводятся въ грѣхахъ. Но прибавленіе: *въ просвѣщеніе или во свѣтъ лица твоего*, имѣетъ смыслъ слѣдующій. «Никакой грѣхъ нашъ не укрывается отъ тебя; твое око назираетъ самыя тайны наши, соотвѣтственно писанному: *тма не помрачится отъ тебе* (Пс. 13, 12); и *испытаяй сердца и утробы, Божие*

(Пс. 7, 10); и еще: яко тма ея, тако и свѣтъ ея (Пс. 138, 12)». Ибо челоуѣкъ видигь лицо, а Богъ сердце.

Ибо все наши дни прошли, и во инѣмъ твоёмъ мы расточили свои годы какъ говорящій рѣчь. Семдесятъ, яко вси днѣе наши оскудѣша, и инѣвомъ твоимъ исчезохомъ. Лѣта наши, когда размыслишь о нихъ, какъ паутина Краткость жизни, которая до сихъ поръ еще подтекаетъ приговору Божию, и которую въ предыдущемъ стихѣ сравнилъ со сномъ, говоря. *когда поражаешь ты ихъ, будущъ сномъ, въ настоящемъ разѣ* сравниваетъ онъ съ рѣчью говорящихъ; т. е., какъ рѣчь, что обращается на устахъ, когда произносится, прерывается и перестаетъ существовать: такъ и вся жизнь наша проходитъ и прекращается. И это—подъ инѣвомъ и ярости Божіею, коимъ по справедливости мы подвержены; ибо живетъ еще дѣя насъ, какъ мы выше сказали, приговоръ Божій. А что инѣвъ и ярость Божія означаетъ не то, чтобы Богъ, разгнѣвавшись, мститъ, но что онъ кажеіся гнѣбнымъ тѣмъ, которые дерзая наказаніе,—объ этомъ мы часто говорили. Ибо что у насъ бываетъ слѣдствіемъ волненія дѣшевнаго, то въ Богѣ бываетъ дѣломъ правосудія. *Вмѣсто—рѣчь говорящаго* Семдесятъ перевели *паутина для размышляющаго*. Ибо какъ устаеетъ рѣчь говорящаго, такъ попусту работается и канъ паутиная. Почему объ еретикахъ и написано у Исаи *поставъ паучинный ткунъ* (Ис. 59, 5).—Животныхъ маіенькихъ и легкихъ, какъ мухъ, комаровъ и т. п., ловить она можетъ, но боіе сильныя ее разрывають. Такъ точно и въ церкви заблужденіями еретиковъ увлекаются легкомысленные и простоватые, между тѣмъ какъ муженъ твердыхъ въ истинѣхъ вѣры они уловить не въ состояніи.

Дне мѣтъ нашихъ въ нижже семьдесятъ мѣтъ а буде много, осмьдесятъ мѣтъ; и множае ихъ, трудъ и болѣзнь. Семдесятъ: Дне мѣтъ нашихъ въ нижже осмьдесятъ мѣтъ.

Аще же въ силахъ, осмьдесятъ лѣтъ: и множае ихъ трудъ и болѣзнь. Въмѣсто поставленнаго нами въ нихъ, и имѣющагося въ еврейскомъ баеѣ, Симмахъ перевелъ выразительнѣе—*ἐλάττω ληροί*, что, придерживаясь болѣе смысла, чѣмъ буквы, мы можемъ перевести словомъ вообще. Итакъ, насколько живемъ мы дѣйствительною жизнію и насколько жизнь смертныхъ имѣетъ свою пріятность,—ограничивается пространствомъ семидесяти лѣтъ. *А буде много*, и, какъ перевелъ Симмахъ—*вопреки мнѣнію*, то восемьдесятъ лѣтъ; а что сверхъ того,—проводится съ болѣзнями и дряхлостію, спутницею старости: при чемъ темнѣютъ глаза, болятъ или выпадаютъ прежде весьма крѣпкіе зубы, какъ съ большею полнотою описывается это божественными словами у Екклесіаста: *πρί-идутъ дніе злобы, въ нихже речемъ: нѣсть намъ въ нихъ хотѣнія*. Когда померкнетъ солнце, и луна, и звѣзды, и обратятся облацы создаи дождя. Въ день, въ онъже подвижутся стражіе дому и развратятся мужіе силы, и упряднятся мелющіи, яко умалишася, и помрачатся зрящіи въ скважняхъ; и затворятъ двери на торжищи, въ немощи гласа мелющія, и встанетъ на гласъ птицы, и смиратся вся дщери пѣсни; и на высоту узрятъ, и ужасъ на пути и процвѣтетъ амидалъ, и отолстѣютъ пружи и разрушится каппарисъ. Яко отъиде челоуѣкъ въ домъ вѣка своего, и ободоша на торжищи плачущіи; дондеже не превратится уже серебряное, и не сокрушится повязка золотая, и сокрушится водоносъ у источника, и сломится колесо въ колѣи. И возвратится перстъ въ землю, якоже бѣ, и духъ возвратится къ Богу, иже даде его. Суета суетствій, рече Екклесіастъ, всяческая суета (Еккл. 12, 1—8). Все это относится къ бѣдствіямъ челоуѣческой жизни и особенно старости, а какой имѣетъ смыслъ, покажемъ въ своемъ мѣстѣ ¹⁾. Нѣкоторые,

¹⁾ Въ толкованіяхъ на кн. Екклесіаста, гл. послѣд.

токую это мѣсто категорически, относятъ его къ таинству сѹббогы и обрѣзанія: такъ какъ сперва мы успокоиваемся на законѣ, а потомъ утверждаемся въ таинствахъ истиннаго евангельскаго обрѣзанія; припоминаютъ и извѣстное выраженіе: *дай часть седьмую, и дай часть восьмую*, и тѣ семьдесятъ тысячъ и восемьдесятъ тысячъ народа, которыя строили храмъ при Соломонѣ. Но зачѣмъ это по отношенію къ настоящему мѣсту, для котораго достаточно объясненіе простое и прямое, расчетливое не на тщеславное показаніе учености многорѣчіемъ, а на пониманіе читающаго?

Ибо прошли мы быстро и улетѣли. Семьдесятъ: яко прииде кротость на ны, и накажемся. Въѣсто этого погрешчески стоиш: *παίδευθῆσόμεθα*, слово двусмысленное, означающее какъ исправленіе, такъ и ученіе и наставленіе. Ибо *егоже любитъ Господь, наказуетъ* (исправляетъ), или научаетъ, и *бьетъ всякаго сына, егоже пріемлетъ*. Мѣсто это Симмахъ перевелъ такъ: *падаемъ мы внезапно, и улетаемъ*; пятое изданіе слѣдующимъ образомъ: *ибо проходимъ скоро, и разрушаемся*. Смысль таковъ. Постъ семидесяти, а мною восьмидесяти лѣтъ, проживаемыхъ человѣкомъ, когда душа отдѣлился отъ тѣла, мы улетаемъ подобно вѣтру; или, какъ выше онъ сравниваетъ человѣка съ зеленью травы и красотою цвѣтовъ и съ засыханьемъ ихъ къ вечеру: такъ теперь вмѣсто вечерняго усыханія указываетъ на опаденіе цвѣтовъ. И когда пройдетъ, говоритъ онъ, наша жизнь, неожиданная смерть разрушаетъ насъ. А что говорится у семидесяти: *яко прииде кротость на ны, и накажемся*, имѣетъ смыслъ слѣдующій. Когда, послѣ семидесяти и восьмидесяти лѣтъ, придетъ кротость Господня и наступитъ день смерти для насъ,—будемъ судимы не по заслугамъ, а съ милосердіемъ; и то, чѣмъ почитаемся за наказаніе, есть только наученіе и вразумленіе. Но я не маю удивляюсь, почему Семьдесятъ, Осодолѣ-

онъ и шестое изданіе рѣшились перевести еврейское слово *aïs*—*кротость*, когда Аквила, Симмахъ и пятое изданіе перевели его словомъ *поптшность*, *внезапно и быстро*.

Кто въсть твердость гнѣва твоего, и послѣ страха твоего, негодование твое? Семьдесятъ: кто въсть державу гнѣва твоего, и отъ страха твоего ярость твою исчеститъ? Различіе между еврейскимъ и семьюдесятью въ раздѣленіи стиховъ. Семьдесятъ слово исчеститъ присоединяютъ къ словамъ страхъ и ярость Господня. А въ еврейскомъ оно относится къ слѣдующему стишку, который будетъ читаться такъ: какъ исчисляются дни наши, то покажи; и приидемъ съ мудрымъ сердцемъ. Въ короткихъ словахъ мы можемъ изъяснить это такъ. Кто можетъ знать, какъ долго продлится гнѣвъ твой, наводящій страхъ на родъ человѣческій, если не вразумишь ты, который еси Богъ? Итакъ молю тебя, покажи намъ срокъ нашей жизни, чтобы мы могли мудрымъ сердцемъ приготовить себя къ суду твоему. А словами: кто въсть твердость или державу гнѣва твоего, и послѣ страха твоего, негодование твое—указывается, что трудно знать тайну и причину гнѣва, страха и негодования Божія. Почему и пророкъ умоляетъ со слезами: Господи, да не яростію твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ твоимъ накажешы мене (Пс. 6, 2). Ибо не тогда наказываетъ (исправляетъ), когда убиваетъ и разрушаетъ, но когда исправляетъ и вразумляетъ. Почему у Осіи (гл. 4, 14) онъ говоритъ народу іудейскому, на который сильно разгнѣвался, что онъ отнюдь не разгнѣвается и не посѣтитъ невѣстокъ его, когда онѣ соблудятъ. И чрезъ Іезекііля онъ говоритъ Іерусалиму: уже не разгнѣваюсь на тебя, и отгымется рвеніе мое отъ тебе (Іезек. 16, 42). Тоже говоритъ и въ Паралипоменонъ, когда Израиль идетъ на сраженіе противъ враговъ съ сердцемъ миролюбивымъ.

Какъ исчисляются дни наши, то покажи, и придемъ съ мудрымъ сердцемъ. Семьдесятъ: десницу твою тако покажи, и наученныхъ сердцемъ въ мудрости. Аквила, Симмахъ и пятое изданіе перевели это такъ: *дни наши такъ покажи, чтобы мы пришли съ мудрымъ сердцемъ.* Ошибка, вслѣдствіе которой семьдесятъ вмѣсто *дни* употребили слово *десница*, очевидна: потому что *jamenu* слово сложное, означающее *дни наши*. Если это слово употребляется въ единственномъ числѣ, то послѣдняя буква, которая называется *nu*, означаетъ *десница*; такъ это въ имени *Veniamin*, которое переводится *сынъ десницы*. Если же имѣетъ *tem*, то значитъ *день* или *дни*. Смыслъ же мѣста слѣдующій. Покажи намъ число лѣтъ и дней нашихъ, которые опредѣлилъ ты прожить намъ въ этомъ мірѣ, чтобы мы приготовили себя къ пришествію твоему; презрѣвъ заблужденіе смертныхъ, мы поспѣшимъ притти къ тебѣ, возжелаемъ присутствія твоего, и восхотимъ къ тебѣ сердцемъ мудрымъ. Ибо ничто не обольщаетъ до такой степени родъ человѣческій, какъ то, что, по неизвѣстности продолженія своей жизни, онъ обѣщаетъ себѣ долгое обладаніе благами этого вѣка. Превосходно извѣстное изреченіе ¹⁾: никто не считаетъ себя такимъ старикомъ и въ такомъ дряхломъ возрастѣ, чтобы не надѣялся прожить еще одинъ годъ. Къ тому же относится и извѣстное изреченіе: *поминай смерть свою, и во вѣки не согрѣшиши* (Сир. 7, 39). Ибо кто помнитъ постоянно, что онъ имѣетъ умереть, тотъ презираетъ настоящее и заботится о будущемъ. Объ этомъ молится Давидъ въ другомъ мѣстѣ, говоря: *не возведи (не исторгни) мене въ преполовеніе дней моихъ, прежде даже не отиду, и ктому не буду* (Пс. 101, 25; Пс. 38, 14). Это такъ объясняется: не дай мнѣ умереть въ такое время, когда

¹⁾ Вѣроятно Пинерона въ книгѣ о старости.

я еще надѣюсь жить, чтобы могъ я загладить грѣхи пока-
яніемъ. Ибо если ты сдѣлаешь это, то захваченный во грѣхахъ,
я перестану существовать. Говоря такъ, онъ не отрицаетъ
надежды воскресенія; но говоритъ, что не можетъ устоять
предъ тѣмъ, предъ которымъ всѣ, упорствующіе во грѣхахъ,
вмѣняются за ничто. Гдѣ мы перевели *наученныя сердцемъ
въ мудрости* (вѣрнѣе-мудрымъ), другіе, введенные въ заблу-
жденіе двумысліемъ слова, перевели *окованныя*. Ибо, если
читать πεπεδημένοι, то будетъ значить *окованныя*.

*Обратися Господи, доколы? и умоленъ буди на рабы
твоя.* Семьдесятъ перевели также. Такъ какъ мы распева-
емся, и зная краткость своей жизни, желаемъ пріити къ
тебѣ сердцемъ мудрымъ: то и ты, Господи, обратись къ намъ.
Изъ за грѣховъ нашихъ ты далеко отступалъ, и оставлялъ насъ
ходить по произволу и по мыслямъ нашимъ. Вставка же, *до-
колы*, имѣетъ тотъ же смыслъ, съ какимъ употребляется въ
двѣнадцатомъ псалмѣ: *доколы, Господи, забудеши мя до
конца* (Пс. 12, 1)? Ибо кто находится въ бѣдственномъ по-
ложеніи, и помощь Божія представляется ему поздною, тотъ
съ особеннымъ усердіемъ молится, чтобы тотчасъ же ощу-
тить помощь Бога, и Бога не гнѣвнаго судіи, а милосердаго.

*Исполни насъ утреннею милостію твоею, и восхвалимъ
и возрадуемся во вся дни наша.* Семьдесятъ: *исполнимся
завтра милости твоея, и возрадовахомся и возвеселихомся
во вся дни наша.* Что у евреевъ ставится въ будущемъ вре-
мени, семдесятъ почти всюду имѣютъ обыкновеніе переводить
такъ, какъ бы то было уже сдѣлано и прошло. И здѣсь евреи
не говорятъ, какъ хотятъ семьдесятъ, что они исполнились
утреннею милостію Божіею и возрадовались; иначе, если бы
это уже случилось, незачѣмъ было бы послѣ молиться и го-
ворить: *призри на рабы твоя и на дѣла твоя.* Но все, чего
они требуютъ, о чемъ и молятся, это—удостоиться утренней

милости его. А когда получают ее, восхваляют Бога и возрадуются во все дни жизни своей. А мы кажется, что словами: *исполни насъ утреннею милостію твоєю*, они молятся о наградахъ вѣчной жизни въ надеждѣ воскресенія. На это указываетъ и написаніе двадцать перваго псалма, который, относясь къ страданіямъ Господа и къ воскресенію его, надписывается: *о заступленіи утреннемъ*.

Возрадуи насъ за дни, которыми насъ удручилъ, и лѣта, въ нѣже видѣхомъ злая. Семдесятъ: *возвеселихомся за дни, въ нѣже смирилъ ны еси, лѣта въ нѣже видѣхомъ злая*. II Лазарь, пріѣхшій злая въ своей жизни, успокоился въ вѣчной радости на лонѣ Авраама (Лук. 16). Зломъ же здѣсь называется не то, что противоположно добру; но онъ употребляетъ его вмѣсто огорченія и бѣдствій. Такимъ зломъ удручила и Сара свою рабу Агарь; и въ евангеліи писано о немъ: *довлѣтъ днѣви злѣба его* (Мат. 6, 34). И такъ, чѣмъ болѣе въ этой жизни мы страдаемъ отъ преслѣдованій, бѣдности, силы враговъ, или болѣзней: тѣмъ болѣе наслѣдуемъ награды въ жизни будущей, послѣ воскресенія. Прекрасно онъ сдѣлалъ, что не сказалъ: *терпимъ злая, но—видимъ*. Ибо кто есть человекъ, иже поживетъ и не узритъ смерти (Исх. 88, 49)? Последнее слѣдуетъ относить не столько къ разрушенію тѣла, сколько ко множеству грѣховъ, по сказанному: *душа согрѣшившая, та умретъ* (Іезек. 18, 20).

Да явится въ рабахъ твоихъ дѣло твое, и слава твоя на сыновъ сыновъ ихъ. Семдесятъ: *призри на рабы твоя и на дѣла твоя, и настави сыны ихъ*. И такъ самъ Господь творить дѣло свое въ рабахъ своихъ. И псалмопѣвецъ не удовлетворяется собственнымъ только спасеніемъ, котораго требуетъ, но проситъ славы сыновъ, т. е. рабовъ Божіихъ. Подъ сынами же мы должны разумѣть не столько сыновъ по плотскому происхожденію, сколько учениковъ, о которыхъ и

Павелъ говорилъ: *чадца моя, имижсѣ наки болѣзную* (Гал. 4 19), Почему и апостолъ Іоаннъ, сообразно съ заслугами своихъ сыновъ и преуспѣяніемъ въ дѣлахъ каждого изъ нихъ, писалъ къ малюткамъ, писалъ къ юношамъ, писалъ къ отцамъ.

И да будетъ красота Господа Бога нашего на насъ, и дѣло рукъ нашихъ упрочъ на насъ, и дѣла рукъ нашихъ утверди. Семдесятъ: и буди свѣтлость Господа Бога нашего на насъ и дѣла рукъ нашихъ исправи на насъ, и дѣло рукъ нашихъ исправи. Гдѣ тѣ, которые тщеславяся властію свободаго произвола, въ томъ полагають для себя благодать Божію, что имѣють власть дѣлать и не дѣлать доброе или злое? Блаженный Моисей вотъ чего требуетъ по воскресеніи, говоря: *исполни насъ утреннею милостію твоею, и восхвалимъ и возрадуемся во вся дни наша.* Не доволенъ онъ тѣмъ, что воскреснетъ и наслѣдуетъ награды вѣчной жизни, но требуетъ, чтобы красота Господа Бога его была на тѣхъ, которые воскреснутъ, и блистала въ душахъ и сердцахъ святыхъ; и чтобы самъ онъ управлялъ дѣлами рукъ ихъ и сдѣлалъ эти дѣла неразрушимыми,—самъ утвердилъ что есть въ святыхъ добраго. Какъ смиреніе молящагося заслуживаетъ награду, такъ гордость дерзновеннаго отклоняетъ Божію помощь.

112. Письмо къ Августину.

Господину святому и блаженнѣйшему папѣ Августину Іеронимъ.

Всегда я воздавалъ твоему блаженству приличную честь, и любилъ обитающаго въ тебѣ Господа Спасителя. Но теперь, если то возможно, я прибавилъ еще нѣчто къ прежнему и преисполнилъ его, такъ что не пропускаю и одного часа, чтобы не вспомнилъ о тебѣ, который пламенемъ вѣры твердо противусталъ противнымъ вѣтрамъ. Ты лучше пожелаешь,

сколько это отъ тебя зависѣло, выйти одинъ изъ Содома, чѣмъ остался тамъ съ погибающими. Твоя мудрость знаетъ что говорю я. Ты торжествуешь въ мірѣ побѣду добродѣтели. Православные почитаютъ и съ удивленіемъ видятъ въ тебѣ возстановителя древней вѣры; а всѣ еретики, что служатъ признакомъ большей славы, клянутъ. Преслѣдуютъ они и меня такою-же ненавистью: кого не могутъ убить мечемъ,—убиваютъ зложеланіемъ. Милость Христа Господа да сохранить тебя невредимымъ и помнящимъ меня, господинъ досточтимый и блаженнѣйшій папа.

113. Письмо къ Августину.

Господину святому и блаженнѣйшему папѣ Августину Іеронимъ.

Многіе хромаютъ на обѣ ноги, и не преклоняютъ сокрушенной рыи, сохраняя пристрастіе къ прежнему заблужденію, хотя и не имѣютъ прежней свободы проповѣдывать еію. Святые братія, живущіе съ нашимъ смиреніемъ, а особенно святые и достопочтенныя дочери твои, нижайше привѣтствуютъ тебя. Пропшу твою честь привѣтствовать отъ моего имени братьевъ твоихъ, господина моего Алипія и господина моего Еводія. Плѣненный Іерусалимъ остается во власти Навуходоносора, и не хочетъ слушать увѣщаній Іереміи; а еще болѣе желаетъ въ Египеть, чтобы жить въ Таенесѣ и погибнуть въ вѣчномъ рабствѣ.

114. Письмо къ Алипію и Августину.

Господамъ поистинѣ святымъ, глубоко и по праву досточтимымъ, епископамъ Алипію и Августину, Іеронимъ во Христѣ желаетъ здравія

Податель сего письма, святой пресвитеръ Иннокентій, въ прошломъ году не взявъ для доставленія вашей чести моихъ писемъ, такъ какъ не думалъ возвращаться въ Африку.

Но благодареніе Богу, случилось такъ, что вы побѣдили наше молчаніе. Всякій случай писать къ вашей чести доставляетъ величайшее удовольствіе. Свидѣтель Богъ, если бы было то возможно, воспользовался бы крыльями голубиными, чтобы броситься въ ваши объятія. Такъ всегда изъ уваженія къ добродѣтелямъ вашимъ; но теперь особенно. Благодаря вашему содѣйствію и вашей помощи, подавлена ересь целестіанская, — ересь, до такой степени заразившая сердца многихъ, что хотя они и чувствуютъ себя побѣжденными и осужденными, удерживаютъ ядъ въ умахъ, и, что единственно могутъ, ненавидятъ насъ, изъ-за которыхъ считаютъ себя лишившимися свободы учить ереси.

Что касается вашего вопроса: писалъ ли я отвѣтъ на книги Анніана, псевдодіакона целеденскаго, который всячески подкармливалъ себя, чтобы подслужиться чужому богохульству ни къ чему негодными словами: то вамъ извѣстно, что самыя книги, присланныя мнѣ на клочкахъ бумаги святымъ братомъ нашимъ Евсеіемъ пресвитеромъ, я получилъ не такъ давно, а потомъ, то наступившія болѣзни, то смерть святой и достойной дочери вашей Евстохіи причинили мнѣ такую скорбь, что я рѣшился почти пренебречь ихъ. Ибо онъ вязнетъ въ той же грязи, и кромѣ словъ звонкихъ и собранныхъ нищенски, не говоритъ ничего. Впрочемъ мы сдѣлали довольно; потому что, усиливаясь отвѣтить на наше письмо, онъ высказалъ себя открытѣе и предъ всѣми заявилъ свои богохульства. Отъ чего онъ отказывался прежде, какъ сказаннаго имъ на извѣстномъ, достойномъ сожалѣнія синодѣ дисполитанскомъ, въ томъ сознается въ этомъ произведеніи; и не велика уже вещь отвѣчать на нелѣпѣйшія дѣтскія сказки. Если продолжить Господь жизнь и будетъ излишекъ въ писцахъ, отвѣтимъ маленькими вечерними замѣтками, — отвѣтимъ не съ цѣлію побѣдить мертвую уже ересь; но чтобы пристыдить нашимъ

отвѣтомъ его невѣжество и богохульство. Но было бы лучше, если бы сдѣлала это ваша святость, чтобы намъ не сказали, что мы хвалимъ противъ еретика свое собственное. Общія святія дѣти, Альбина, Пиніанъ и Меланія, усерднѣйше привѣтствуютъ васъ. Это письмо изъ святаго Виолеема я вручилъ для доставленія святому пресвитеру Иннокентію. Племянница ваша Павла усерднѣйше проситъ васъ не забывать ея, и искренно васъ привѣтствуетъ. Милость Господа нашего Иисуса Христа да сохранить васъ здоровыми и помнящими меня, господа именно святые и глубоко чтимые отцы.

115. Письмо къ Екзуперанцію ¹⁾.

Изъ всего, что принесла мнѣ дружба святаго брата Квинтиліана, самое важное то, что сблизила душевно насъ съ тобою, незнакомыхъ тѣлесно. Да и кто не полюбитъ того, кто подъ военнымъ плащомъ и наружностію дѣлаетъ дѣло пророческое, и человѣка внѣшняго, общающаго иное, побѣждаетъ человѣкомъ внутреннимъ, созданнымъ по образу Творца? Почему я прежде всего и приглашаю тебя поддерживать переписку, и прошу давать мнѣ случай почаще тебѣ отписывать; по крайней мѣрѣ я буду писать тогда смѣлѣе. Твоей мудрости достаточно краткаго намека, чтобы ты вспомнилъ апостольское изреченіе: *привязался женѣ, не ищи разрѣшенія; отрѣшился, не ищи жены* (1 Кор. 1, 27), т. е. не ищи связи, которая противоположна разрѣшенію. Кто несетъ обязанности супружескія, тотъ связанъ; кто связанъ, тотъ рабъ; а кто разрѣшенъ, тотъ человѣкъ свободный. Итакъ если ты радуешься свободѣ Христовой, одно дѣлаешь, другое предпринимашь, и поставленъ почти на кровѣ: то не слѣдуетъ уже

¹⁾. Письмо это, равно и два слѣдующія за нимъ (116 и 117), писаны блж. Иеронимомъ въ неизвѣстное время; почему и помѣщаются въ заключеніе всѣхъ.